

Утреннюю тишину пика Ванлин разорвал вопль, будто резали свинью.

Гу Бай так испугался, что свалился с лежанки. Схватившись за поясницу, он скривился от боли.

В его пещерной обители была всего одна кровать, и её, естественно, пришлось уступить его болезненному и несчастному сыночку.

Хорошо ещё, что в пространственной сумке нашлась жёсткая лежанка: худо-бедно одну ночь на ней пережить можно.

Гу Бай наскоро привёл себя в порядок и уже собирался будить Шэнь Цзи, но неожиданно заметил, что одеяло на кровати осталось совершенно нетронутым. Вообще не было никаких следов, что на кровати кто-то спал, зато стоявший рядом деревянный табурет явно передвигали.

Совершенно очевидно: прошлой ночью Шэнь Цзи на кровати не спал.

А первой мыслью Гу Бая было: «Твою мать, знал бы — сам вчера лёг бы на кровать!»

Система, всё это время изображавшая труп, даже не выдержала:

□Носитель, пожалуйста, проявляйте больше заботы о физическом и душевном здоровье объекта задания.□

— Так я и заботился.

Гу Бай говорил и заодно небрежно убирал из пещерной обители всё, на чём вообще можно было сидеть.

— Но он не принимает мою заботу. Что я могу сделать?

Вообще-то Гу Бай вполне мог это понять. В оригинале маленькому злодею пришлось по-настоящему тяжело.

Семья, усыновившая его, случайно узнала, что в его теле есть демоническая ци, и после этого Шэнь Цзи либо били, либо ругали. Поэтому он никому не доверял и всегда предполагал в людях самые дурные намерения.

Это прекрасно проявилось ещё вчера: стоило Гу Баю показать Шэнь Цзи хоть немного доброжелательности, как тот стал лишь настороженнее.

Шэнь Цзи напоминал маленького ёжика, выставившего острые иглы против любого, кто пытался к нему приблизиться. Стоило подойти чуть ближе — и можно было исколоться до крови.

Гу Бай слегка опустил глаза. Его руки на мгновение замерли, а затем он как ни в чём не бывало достал обратно тот самый деревянный табурет, на котором прошлой ночью сидел Шэнь Цзи.

— В таких делах нельзя торопиться.

Система промолчала.

Шэнь Цзи с самого утра ненадолго вышел осмотреть пик Ванлин. Вернувшись в пещерную обитель, он увидел, как Гу Бай убирает табурет, на котором тот сидел ночью, а затем достаёт другой — совершенно такой же.

Шэнь Цзи слегка прищурился. Его изучающий взгляд остановился на деревянном табурете, а с губ сорвался неясный смешок:

— ...Хм.

Наконец не выдержал?

Прошлой ночью Гу Бай силой швырнул его в горячий источник. В приступе унижения и злости Шэнь Цзи выпустил крохотную струйку демонической ци.

Он столько лет боролся с запечатанной в своём теле демонической ци, что давно научился её контролировать.

Но тогда Гу Бай никак не отреагировал.

Так, может быть, он решил действовать сейчас?

И что-то сделал с табуретом, на котором Шэнь Цзи сидел прошлой ночью?

Шэнь Цзи чуть отступил и скрылся в тени, лениво наблюдая за дальнейшими действиями Гу Бая.

А потом увидел, как тот достаёт из пространственной сумки пёструю мягкую подушку, кладёт её на деревянный табурет и сам садится проверить, удобно ли, с совершенно довольным видом.

— ...Хм.

Шэнь Цзи с безучастным лицом отвернулся.

Этот Гу Бай безнадежен.

Гу Бай понятия не имел, что Шэнь Цзи всё видел. Он лишь услышал тихий звук, поднял голову и заметил только что вошедшего Шэнь Цзи.

— О, закончил утреннюю прогулку?

Красивые чёрные глаза изогнулись полумесяцами. Гу Бай с улыбкой поманил Шэнь Цзи рукой.

— Иди сюда, попробуй. Подушка подходит?

Шэнь Цзи остался стоять на месте и ничего не ответил.

Гу Бай, похоже, уже привык к его холодности и сам подошёл к нему.

— Цок. А мне всё-таки больше нравилось, когда ты мягонько просил меня обнять тебя.

Шэнь Цзи:

— ...?

Он ведь тогда просто хотел вызвать у него отвращение!

Увидев, как на мгновение исказилось обычно холодное выражение маленького Шэнь Цзи, Гу Бай весело рассмеялся.

— Кстати, что там только что случилось? Почему кто-то орал, будто свинью режут?

— Или учитель опять стащил с пика Лайчжао духовную свинью?

Гу Бай задумчиво потёр подбородок.

На пике Лайчжао располагалось отделение укротителей зверей секты Тайчу. Там держали множество духовных зверей, в том числе и тех, которых совершенствующиеся могли употреблять в пищу.

Гу Бай прекрасно знал свои возможности и ещё лучше понимал, что у его учителя совершенно точно нет духовных камней, чтобы купить свинью. Значит, оставался только один способ — украсть.

...Цок. Глава целого пика дошёл до того, что вынужден воровать духовных свиней.

Гу Бай покачал головой. С таким раскладом мечники пика Ванлин рано или поздно умрут от бедности.

Видя, что мысли Гу Бая становятся всё нелепее, Шэнь Цзи почувствовал, как на виске задёргалась жилка, и не выдержал:

— ...Это тот человек со вчерашнего дня.

Тот человек со вчерашнего дня?

Су Лоу?

Гу Бай с запозданием вспомнил, что существовал ещё и такой человек.

Он недоумённо спросил:

— Что он сделал, разозлил моего учителя настолько, что тот превратил его в свинью?

Шэнь Цзи поджал губы, отвернулся и решил вообще не обращать внимания на этого человека с больной головой.

Прямо во время разговора Гу Бай получил от учителя письмо на летящем талисмани.

□Немедленно приходи в Рощу Мечевого Бамбука.□

Роща Мечевого Бамбука на пике Ванлин специально предназначалась для тренировок учеников. Каждый лист мечевого бамбука был острым, словно клинок: стоило слегка коснуться — и можно было рассечь кожу до крови.

А внутри рощи располагалась Формация Четырёх Сезонов.

Название говорило само за себя: формация использовала особенности весны, лета, осени и зимы, сочетая их с особой мечевой ци Рощи Мечевого Бамбука. Она могла изменяться в зависимости от способностей проходящего испытание, а её превращения были бесконечно разнообразны. Даже такой великий практик ступени Выхода из Тела, как Шэньтун, входя в неё,

неизбежно выходил хотя бы с несколькими поверхностными ранами.

В общем, такой слабак, как Гу Бай, в Рошу Мечевого Бамбука соваться не решался.

— Зачем учитель зовёт меня туда?

Гу Бай ничего не понимал, однако шаг не замедлил ни на миг.

Заметив, что Шэнь Цзи идёт несколько медленно, он даже с большим энтузиазмом принялся рекламировать талисманы в своей пространственной сумке.

— Младший брат, хочешь попробовать фирменный талисман Тайчу «Тысяча ли за день»? Приклеиваешь к ноге — и несёшься быстрее, чем на летающем мече! Идеальная штука для таких, как мы, кто на мече летать не умеет.

Шэнь Цзи уже собирался отказаться, но заметил протянутую к нему руку Гу Бая, буквально рвавшуюся в дело.

Вся его поза ясно говорила: если Шэнь Цзи не воспользуется талисманом «Тысяча ли за день», то Гу Бай в следующую секунду просто подхватит его на руки.

Лицо Шэнь Цзи мгновенно потемнело. Он нехотя взял талисман.

Хотя сейчас он действительно превратился в обычного человека, ещё не вступившего на путь совершенствования, чувствительность к духовной ци никуда не исчезла.

Поэтому, едва взяв талисман, Шэнь Цзи с удивлением ощутил заключённую в нём чрезвычайно плотную духовную ци.

Такого количества духовной ци хватило бы на талисман среднего качества.

А этот «Тысяча ли за день»...

Шэнь Цзи посмотрел на кривые, извилистые линии, местами даже обрывавшиеся посреди штриха, и его взгляд мгновенно потемнел.

Это явно был талисман ниже низшего качества. Чтобы он вообще заработал, создатель влил в него в сотни, а то и тысячи раз больше духовной ци, чем требовалось.

Эта секта Тайчу...

Шэнь Цзи вдруг обнаружил, что даже не знает, какими словами её описать.

— Почему не используешь?

Гу Бай с любопытством придвинулся ближе. Увидев, что Шэнь Цзи с безучастным лицом пялится на талисман, он тут же внутренне забил тревогу.

— Младший брат, сразу тебе говорю: только не становись талисманщиком! Разве талисманщику может быть так же весело, как мечнику? Я слышал, им за день приходится рисовать больше десяти тысяч талисманов — так и руки сотрёшь!

Шэнь Цзи бросил на него взгляд, затем, подражая Гу Баю, приклеил талисман к ноге и с каменным лицом пошёл вперёд.

Гу Бай с улыбкой последовал за ним.

Как же прекрасно. Ещё один день, когда ему удалось успешно вернуть младшего брата на путь истинный!

— Младший брат, к Роще Мечевого Бамбука надо повернуть налево!

Шэнь Цзи остановился, убрал уже занесённую ногу и молча свернул туда, куда указал Гу Бай.

—

Шэньтун с тревогой прождал снаружи время, за которое выпивают чашку чая, и наконец дождался своего любимого ученика.

— Сяо Бай!

От этого обращения у Гу Бая по коже пробежали мурашки, и он невольно передёрнул плечами.

— Учитель, что случилось?

— Су Лоу вошёл в Формацию Четырёх Сезонов!

Шэньтун поспешно потянул Гу Бая к себе. В его голосе звучала тревога.

— Вошёл в Формацию Четырёх Сезонов? — изумился Гу Бай. — Как так? Разве она не рассчитана только на мечников? А Су Лоу сейчас, как ни посмотри, всего лишь целитель!

— Я тоже ничего не понимаю!

Шэньтун скривился.

— Вчера, когда я привёл вас обратно, то заметил, что Формация Четырёх Сезонов ведёт себя подозрительно активно. Хотел прийти проверить её сегодня утром, а этот паршивец Су Лоу вдруг взял и полез внутрь.

— Ты и сам знаешь: как только Формация Четырёх Сезонов запускается, остановить её можно лишь одним способом — пройти и разрушить испытание. А этот мальчишка из семьи Су выглядит так, будто ветер подует — и он упадёт. Разве войти туда для него не то же самое, что идти на смерть?!

Шэньтун хлопнул себя по бедру. Его старое лицо сморщилось, словно хризантема, а на Гу Бая он посмотрел так жалобно, что не хватало только громко завывать.

— Сяо Бай, у твоего учителя нет внебрачного сына, чтобы отдать его в возмещение чужого сына!

Гу Бай:

— ...Так вы эту шутку про внебрачного сына теперь никогда не отпустите, да?

<http://bllate.org/book/22296/2367824>